Обушенков - Институт Истории Академии Наук Советской Культуры в Москве планирует, во всяком случае, договорённость точная есть, - планирует издать книгу о нашем деле в форме "круглого стола". Вопросник разрабатывал я при консультации с Чешковым. Мы сами себе задали вопросы, и сами на них отвечали. Это круглый стол, по существу они нам передают эту идею, книга, по существу 10-12 листов.

- А когда она будет издана?

Обушенков - Не знаю, она не написана ещё. Гольдману я только вчера дал вопросник, он в Липецке живёт. В Париж я переслал опросник на прошлой неделе Козовому. Покровскому в Новосибирск, члену-корреспонденту Академии Наук, я ещё вопросника не пересылал. Остальным вопросник я переслал - Краснопевцеву, Меньшикову, Чешков, я, Гольдман. И мы не знаем, где разыскать . Мы, всё-таки хотели, чтобы каждый из нас ответил на основные вопросы о характере группы, о характере дела, о причинах, о формах, о целях, программных установках, о поведении на следствии, о характере следствия, суда, о характере лагерного режима., о последующей жизни. Примерно шесть или семь вопросов, для всех одни и те же. Так что вот такого рода вещь, я хотел бы в конце этого года сдать, это на ксероксе, поэтому, в первой половине следующего года это мы можем ожидать. И второе, что я хотел сказать. Прежде, чем приехать сюда я говорил с учёным секретарём ассоциации политических наук Академии Наук СССР и говорил с представителями Института Истории о том, что если у нас возникнет идея издавать что-то регулярно, или периодически, чтобы они нам помогли. В принципе, они обещали. Я говорил пока лично, о возможности, разведку проводил. Они обещали помочь. Я говорил об этом Вениамину Викторовичу. Поскольку он первый наш историограф. Перед болезнью, перед тем, как я лёг на операцию, мне звонили из журнала "Вопросы истории" - большой красивый журнал,

и договаривались, я знаю, я им дал телефон Краснопевцева. На начало сентября там запланирован "круглый стол" журнала "Вопросы истории" с участниками нашего дела. Сколько человек там будет, я не знаю.

- Скажите пожалуйста, Николай Григорьевич, Вы как историк, как оцениваете всё это дело? С сегодняшней позиции?

Обушенков - Сразу ответить довольно трудно о том, как я оцениваю. Но во всяком случае я считаю, что это было проявлением исторической необходимости, наше выступление. Мы воспринимали это как нравственный долг. И мы совершенно сознательно понимали, что необходимо вступить в борьбу, в конфронтацию с системой, за преобразование этой системы. И даже так мы её понимали, потому что в нашей прокламации были слова, осуждающие сталинскую систему произвола и насилия. Это в документах имеется. И может быть, следует сказать, что формы и методы борьбы были заимствованы из краткого курса истории КПСС. Мы прошли комсомольскую школу. Я, например, в 14 лет вступил в комсомол, как только было дозволено, в 1943 году. И лет наверное, десять-одиннадцать был в комсомоле. Всё время на "маленьких" руководящих должностях. То комсоргом, то секретарём комсомольской организации, то членом бюро, по мере того, как продвигался. И немедленно, как только вступил в партию, я стал заместителем секретаря парторганизации кафедры новой и новейшей истории Московского Университета. Поэтому, разумеется, на всём моём поведении были конечно, следы большевизма. И поэтому со Сталинской системой произвола и насилия, то есть, с большевистской системой, или, как теперь говорят, с каппелесэсовской системой мы боролись теми методами, которые мы заимствовали оттуда. Такова логика истории, к сожалению, такова парадоксальная логика.

- Скажите пожалуйста, Н.Г., Ваши взгляды в то время, в 1957 году, и Ваши сегодняшние взгляды - Ваши взгляды изменились как-то в лагере, в заключении?

Обушенков - В принципе нет. Я один из тех, у кого взгляды изменились не очень значительно. Но мне наверное повезло. Я работал над кандидатской диссертацией, я защищал её через неделю после XX съезда, после закрытого заседания XX съезда. Так вот, я работал над кандидатской диссертацией по германскому государственному монополистическому капитализму, в годы I Мировой войны. То есть, по той модели, с которой Ленин списал модель социализма в нашей стране. О нём он писал в работе "Грозная катастрофа" и ещё в нескольких работах. Так вот я тогда уже пришёл к выводу, что это преступная модель. Я не произносил слова "преступная модель", я говорил "невыгодная модель, ошибочная модель"; я выступал на кафедре с этим. В текст диссертации это не попало, хотя отрицательное отношение к этой модели сохранилось. Значит, вот эта модель была. Этот подход. Затем я достаточно хорошо знал документы 1955-56 годов о хозяйственной жизни страны. То есть, о том, что это глубокий упадок. Я каждый год ездил по два, по три раза в мою родную деревню, у меня родители работали в колхозе.

- Где Ваша родина?

Обушенков - Вологодская область, Череповецкий район, деревня Якунино. Я видел, до какой степени нищеты дошли колхозники. В конце сороковых, начале пятидесятых годов. Для того, чтобы им сохранить свою корову я вынужден был от своей аспирантской стипендии отрывать в марте деньги и посылать им для сена, для коровы. Ни обновки, ни туфли не нужны были колхозницам, а на сено для коровы. Мои младшие братья, ребятишки, для того, чтобы имели молоко. Даже и такая вещь. Вот это знание убийственного положения деревни с 1947, 46-го года. В какой-то степени идеология деревни - все мечтали о прекращении колхозного строя. С другой стороны знание трудной экономической ситуации в стране в 1955 году. Для меня доклад Булганина в 1955 году был наверное даже серьёзнее, чем доклад Хрущёва на XX съезде, закрытый. Здесь говорили о жертвах, о произволе, убийствах, а тут говорили о глубоком

экономическом упадке. Хотя таких слов не произносили, но называли цифры, из которых было нетрудно сделать выводы. Дальше в 1956 году я отвечал за приём студентов на первый курс исторического факультета Московского Университета. Мне пришлось столкнуться с коррупцией системы. То есть, попросту говоря, с желаньями высокого ранга всякого рода начальников просунуть своих кандидатов. Я вёл список блатных. У меня было шестьдесят два места для конкурса, даже помню до сих пор это, и когда в моей книжечке появлялось 120 фамилий блатных, то я её попросту говоря, закрыл. Были у меня блатные. Вот Сузанна из Московского Мемориала говорит в лекциях о том, что я ей помог поступить, поскольку у неё был удивительный блат, у неё была справка об амнистии, об освобождении, а я её пытался трактовать как льгота, двухлетний стаж трудовой. Были такие. Значит, вот этот опыт, опыт отчаянной борьбы, когда в результате удалось выгнать с исторического факультета Ацкевич такую, дочь тогдашнего заместителя председателя Совета Министров СССР за то, что незаконно поступила по спецсписку. Вот эти моменты.

- А Вы не испытывали административного давления в связи с этой Вашей борьбой ?

Обушенков - Мелкие. Стоит ли о них говорить? Выговор иногда делают. Понимаете, они были двусторонние. За повышенный процент детей колхозников и рабочих, тридцать с чем-то процентов я обеспечил впервые, я получил лишнюю благодарность от академика Петровского, ректора Московского Университета, бесплатную путёвку в Польшу. Тогда это была колоссальная редкость. Но через несколько часов я получил выговор за другие вещи, которые не были названы вслух. От проректора по кадрам МГУ Иванова. Так что они уравнивались, эти вещи. Сложное, всё-таки, переломное было время. Ну, и вторая вещь. Я этим глубоко не занимался, занимался этим Краснопевцев, но для меня было

достаточно убедительной его работа, в общем-то я уже к тем же выводам пришёл сам, но не в исследовательском плане, как он. О том, что сталинизм является логическим продолжением ленинизма. Продолжение ленинизма в современных условиях. Я не видел этого противоречия уже тогда. И поэтому в числе прочих участников группы я рекомендовал работу Краснопевцева по русской истории, в которой доказывался главным образом этот тезис. О том, что сталинизм — это логическое продолжение ленинизма. Я рекомендовал эту работу к распространению.

- А ваших работ не было?

Обушенков - У меня не было работ, у меня единственно что было нелегального, я в это время чисто научной работой занимался, педагогической работой занимался, первые годы занимала очень много сил. У меня было единственно что — текст листовки, написанный совместно с Краснопевцевым и потом чуть-чуть подправленный, отредактированный на общем собрании группы. Текст листовки не выражает всю систему нашей идеологии, наших взглядов того времени. Единственное, о чём мы тогда говорили, в первую очередь это к моменту установления Хрущёвым культа личности с нашей точки зрения, и поэтому выступили против сталинской системы произвола и насилия. Эта фраза там была. Выступили за необходимость отмены 58-й статьи. Тогда мы не знали, что есть пункт IO, II и прочее. Мы просто говорили: 58-я статья. Дальше — мы призывали рабочих к забастовкам, демонстрациям, митингам, за передачу власти советам, имелось в виду от партии, за суд по советскому кодексу за преступления 1937-53 годов. Тогда мы считали, что только в этот период совершались преступления. Сейчас конечно, рамки хронологические раздвинуты, но в каждом времени, тут своё мышление. Вот мы выступили, очень резко нападали на культ личности Хрущёва, называли его июньский пленум государственным переворотом. И ещё одно. Была ведь очень большая сложность в нашей по-

зиции. Дело в том, что объективно-то Хрущёв расправился с Молотовым, Маленковым, Кагановичем, то есть самыми консервативными элементами партии, но эта расправа одновременно означала и установление личной диктатуры Хрущёва. Это сейчас миф о Хрущёве создан. Мы прекрасно понимали, что он такой же, как и другие: такой же бандит, такой же палач, такой же организатор массовых расправ, Всё прекрасно знали, что он устанавливает новый культ личности, который по-прежнему опасен. Что нужно идти совершенно дальше. Мы видели силы, которые тормозили развитие, мы видели то, о чём сейчас предпочитают не говорить. Как раздавили Венгрию в 1956 году. В октябре 1956 года я только уехал из Польши, я видел, как начинали давить Польшу. В 1956 году в октябре. Дальше я хорошо знаю закрытое письмо ЦК о мерах пресечения антипартийных, анти-демократических элементов. Которое было направлено на то, чтобы заткнуть рот. Всем инакомыслящим. То есть, я понимал, что Хрущёв реставрирует ту же самую систему. Чуть-чуть подштопав её. Сложность этой позиции заключалась в том, что мы выступили против Хрущёва в тот момент, когда надо было бы приветствовать наконец его победу. Над консервативными элементами. Но это был уже свершившийся факт. На очередь встала другая необходимость: на очередь встала необходимость бороться с диктатурой Хрущёва. Не столько с его личной диктатурой, как с новым чем-то, сколько с тем, что это было сохранение старой системы в чуть подштопанном виде.

- А скажите пожалуйста, как Вы относитесь к современным публикациям о Хрущёве и публикациям его самого?

Обушенков - Я мечтаю написать на один лист работу, почему мы выступили против Хрущёва. И разоблачить этот миф о Хрущёве, который распространяет Сергей Хрущёв, Фёдор Бурлацкий и многие другие. Они заинтересованы в этом, потому что тогда они начинали делать свою карьеру, приобщались к активной политической деятельности и даже к прогрессивным идеям, потому что Хрущёв несравненно лучше, чем Молотов,

Каганович, Маленков, но всё-таки в целом задачи была уже другой. Поэтому я считаю всё-таки, что неоправданно рассматривать этот период как переломный. Маленький-маленький сдвиг произошёл и с моей точки зрения Хрущёв руководствовался не высокополитическими соображениями, а руководствовался личными соображениями примерно такого же порядка, как были и раньше, только чуть-чуть расширил границы своих интриг, но время пришло другое. Ведь каждый очередной поворот, каждый сдвиг в нашей политической жизни всё время расширяет сферу участия. Вот это и произошло тогда. Так что вот видите - в целом мои взгляды близки к социал-демократическим взглядам тогда были, на суде я пытался скрывать это, считал, что суд не получил никаких улик о моём личном участии. То есть, у меня не было свидетелей, я не желал называть фамилии на суде, я раскаялся, признал вину свою и раскаялся. Это была моя глубокая ошибка психологического характера, но тем не менее я не назвал ни одного факта, ни даты, ни фамилии, которые не были бы известны следствию по крайней мере от двух человек. Мне казалось, что два - это уже доказательство.

- А кто был Вам наиболее близок чисто человечески в группе?

Обушенков - В группе, Вы знаете, у меня лучшие отношения были с Краснопевцевым. Но я глубоко ошибался. Я недооценил некоторых чисто личностных характеристик Краснопевцева. Сейчас, я всегда это говорил после лагеря, в период моего разрыва с Краснопевцевым, мы лет двадцать пять не узнавали друг друга. Где-то разрыв первый произошёл месяца через два-три пребывания в лагере. Их инициатива была с их точки зрения, у меня позиция была слишком ликвидаторская. Это всё достаточно хорошо описано у Иофе в статье.

- Как Вы относитесь к этой публикации?

Обушенков - В целом положительно. Там есть некоторые неточности, но в целом положительно. Он там представил наиболее ярко точку зрения троих: Ренделя, мою и Козового. То есть, он концепцию группы разработал с этой точки зрения.

- Краснопевцев был...

Обушенков - Ближе всего с ним связи были. Он был комсомольский деятель, он работал в школе вместе с моей женой, в одной школе. У нас были хорошие отношения. Масса фотографий студенческих лет, где мы рядом. С общими друзьями. С Эйделеманом, с покойным профессором Ренделем. Кстати, и с тоже покойным Эйделеманом. Общие беседы, общие дискуссии, споры. И поэтому он был ближе всего ко мне.

- А по какой причине произошёл разрыв?

Обушенков - Их инициатива. Мне казалось, что они, прибыв в лагерь, увидев такую массу молодёжи, в общем-то настроенной в духе очищения ленинизма от сталинизма, такая масса людей была. Они пришли в состояние эйфории, я имею в виду Краснопевцева и Ренделя, прежде всего и рассчитывали на очень быстрый поворот событий. Начали подготовку кадров для немедленного штурма системы. Я считал, что наступил отлив, что даже наше выступление с листовкой уже было на отливе, тем более, что рассчитывали на массовый подъём, а оказалось, что дело уже пошло к упадку движения, поэтому я придерживался такой позиции, что нужно медленно, верно работать над идеологией, над её проблемой, программными установками. И в этом плане готовить людей. Готовить их серьёзно. К тому, чтобы через два-три месяца решать какие-то большие проблемы. Меня обвинял Краснопевцев. Вероятно, я произнёс эту фразу. Я же помню, произносил ли я её, но была брошена такая фраза, будто бы моя: "В России спешат на десятилетия". И мы поспешили. Со своим выступлением, с призывом, с листовкой. Мы ошиблись на несколько десятилетий. Всё это произошло значительно позже, чем нам хотелось бы. В молодости всё кажется близко достижимым. Так что в целом мои идеалы не изменились. Как я считал идеалы социализма доступными для меня идеалами, необходимыми идеалами для человеческого общества. Так они и сейчас остаются такими. Как я считал, что ленинизм - это тупиковый путь развития, в особенности ленинская модель социализма, так и сейчас

ТАК и сейчас они
остаются такими. Как я считал, что работа "О кооперации" и несколько других работ того периода, это попытка больного, измученного, испугавшегося того, что он наделал Ленина найти новый путь. И очень слабенькая попытка. Но предсмертная попытка. Поэтому я всегда очень высоко ценил эти работы и в профессиональной деятельности восьмидесятих годов я опирался на идеи этой работы, подчёркивая, что они лежат на верном пути, нашего развития. А в целом, в общем-то я считаю, что чем быстрее КПСС окажется в оппозиции, мне кажется, что годика через два это произойдёт, тем лучше.

- Вы член партии?

Обушенков - Я был членом партии до 1957 года. У меня партийный билет отобрали при обыске, исключили из партии через несколько месяцев. Я был хорошим членом партии. Моя партийная организация, кафедра написала мне на Лубянку изумительную характеристику, о которой следователь сказал, что с такого рода характеристиками людей рекомендуют в ЦК. Я делал то, что нужно преподавателю, работал среди коллег.

- А сейчас Вы не являетесь, Николай Григорьевич?

Обушенков - Я не подавал заявления. Более того могу сказать о том, что недавно моя жена написала заявление о выходе из партии. Она вступила в партию задолго до моего ареста, будучи учителем средней школы. Выходить в те годы, когда меня арестовали, это терять работу. А у неё было двое крошечных детей. Ползункового возраста. Дочке было шесть месяцев, когда меня арестовали, а сыну два с половиной года. А когда стало поспокойнее, она просто вышла и всё.

- А сегодня Вы не хотели бы стать членом какой-нибудь из образовавшихся партий?

Обушенков - Из образовавшихся партий если я и вступлю, то в социал-демократическую партию, и очень серьёзно ещё посмотрю, стоит ли вступать. Вполне возможно, что меня устроит деятельность в той ор-

ганизации, которая будет создана сегодня. Или я найду какую-то другую форму участия в какой-то другой группе. В качестве беспартийного. Но я ещё подумаю. Если я буду вступать, то, вероятнее всего, в социал-демократию.

- Я ещё хочу задать вопрос по поводу Вашего заключения, жизни в заключении. Вы не участвовали в голодовках?

Обушенков - Нет, не участвовал. Там было довольно сложно. Голодовка была объявлена Краснопевцевым, Ренделем, Гольдманом, Покровским, Семеновым. Мне сообщил о готовящейся голодовке Меньшиков Володя. Я согласился участвовать в голодовке, но только при условии, если я буду иметь право участвовать в составлении документа, объявляющего о голодовке - это первое. И второе - если из того документа, который составлен, будут изъяты два клеветнических абзаца в адрес Марата Чешкова, обвиняющие его в завале нашего дела, абсолютно необоснованные. Я сказал, что я присоединюсь к голодовке, буду голодать вместе со всеми, если будут изъяты эти клеветнические... Поскольку этого не последовало, то я не стал участвовать в голодовке.

- Чешкова обвиняли в провокаторстве?

Обушенков - Да, в тот момент, в период объявления голодовки. Абсолютно необоснованное обвинение. Краснопевцев и Рендель иногда выступали с обвинениями такого порядка. Против своих бывших друзей. Я считал нужным защищать всех, кого они время от времени обвиняли. Я представлял всегда ту часть группы, которую они пытались обвинять. Всё время был в конфронтации. До шестьдесят... после голодовки мы уже друг друга не увидели. Меня сразу же отправили в каменоломни на облегченный режим, чтобы оторвать быстро, то есть никаких уже контактов после этого не было. Мы друг друга не узнавали. И с Краснопевцевым мы один раз здоровались как-то раз при случайной встрече в кругу однокурсников и в первый раз серьёзно поговорили на похоронах Натана Эйдельмана, когда я счёл нужным опубликовать один факт,

который мы до этого не публиковали, тщательно берегли. Я получил санкцию Краснопевцева на публикацию этого факта в том, что Натан Эйдельман дал согласие на вступление в нашу группу за несколько дней до нашего ареста, зная обо всех абсолютно формах нашей деятельности, обо всех документах. Следствие в какой-то степени догадывалось об этом, пытались нас допрашивать, но знали об этом Краснопевцев, Рендель, Меньшиков и я и ни один из нас его фамилии не назвал, поэтому он остался не арестованным. Его пытались привлечь к уголовной ответственности за доноительство, там был список двенадцать человек по нашему делу.

- Вы не могли бы назвать этих людей?

Обушенков - Я не могу сейчас, я не помню. Я этот список читал, он был подшит к делу. Там были в числе других Эйдельман, Люба Краснопевцева, Борис Николаевич Михалевский, давным-давно покойный, доктор экономических наук, наш однокурсник, там был Лёня Фридман, профессор-арабист, там был один, эмигрировавший в Израиль, фамилии не помню, да, была машинистка, которая печатала работу Краснопевцева. В общей сложности было двенадцать человек. Главным образом все те, кто читали работу Краснопевцева. Точнее, не те, кто читали, а те, о ком было известно следствию, что они читали. Вот эти двенадцать человек по статье о доноительстве. Ну, и Галина Алексеева, профессор истории, недавно в "Поиске" опубликовала цифру о том, что было двести сорок человек репрессировано по нашему делу в разных формах. У неё муж имеет отношение к этим делам, ей лучше знать. Мы считали - человек пятьдесят-шестьдесят. На самом деле сколько было - неизвестно. Мы этого не знали. Вот она называет цифру двести сорок человек в разных формах репрессированы. Комсомольские выговоры, изгнания с работы, кого-то просто отправили с третьего курса аспирантуры, как Тома Петрова и ставили к станку на несколько лет.

Это такая форма репрессии после пятидесятого года...

- Николай Григорьевич, скажите пожалуйста, что Вы вынесли из всего этого, что-то основное, главное? Из опыта своей деятельности?

Обушенков - Самое главное, что несмотря на всеобщую обстановку недоверия, деносительства в лагере, много людей. У меня десять-пятнадцать друзей от лагеря осталось. Вот вчера, допустим, меня посетили литовцы, в гостях... Вот сегодня я собираюсь в гости. Десять-пятнадцать человек моего периода. Вера в друзей, вера в людей, вера в правильность выбранного пути. И что ещё? Знаете, я наверное, крепче стал.

- А терпимость, относительно отношений?

Обушенков - Терпимость? Я пожалуй более, чем кто-либо другой **выступал** с позиций терпимости. То есть, у меня были добрые отношения с монархистами, у меня были хорошие отношения с Володей Осиповым, личные отношения. Я из его рук получал манифест лет десять назад в присутствии Трофимова и Алексия Тихонова, умершего ныне, то есть, он сам считал нужным знакомить в те времена... Разумеется, я их не разделяю, но это другое дело. Они имеют право на существование. И более того, они имеют право на участие в сообществе. Я вот, например, очень заинтересован в том, чтобы он встретился с моими друзьями в парламенте российском.

- А кто Ваши друзья?

Обушенков - Не знаю... Я не имею права называть их фамилии пока. Без их санкции. Я пытался это сделать. Вот /через / ушёл, вот я вчера его спрашивал. Это случайно, неудобство, невозможность встречи, или принципиально. Вот и с ним возможен контакт. Я вчера поговорил с ним. Я его приглашал к себе домой, он согласен. Да он и бывал у меня дома после отвидок. У меня добрые отношения и с тем же Мишей Молоствовым, и добрые отношения с Жилинским из Литвы, и с Гутарсом и Кандышевским из Латвии. Был такой Эйнер Копп из Эс-

тонию, сейчас он в Стокгольме. Добрые отношения были. Были всегда добрые отношения с Аликом Фельдманом и Толиком Порташниковым, которые давным-давно уже революционеры соответствующих партий в Израиле. В общем-то как раз терпимость у меня была. Наверное, появилась ещё **большая** терпимость, чем раньше. Больше спокойствия, больше уравновешенности. Ну, и большая актуальность своих установок, взглядов. То есть, если раньше я как *1 мараф!* носился с этой идеей ленинской, ленинской моделью социализма, сейчас это для меня уже глубоко убеждение, я в этом плане работаю профессионально сейчас. Я работаю по аграрным проблемам Запада и в последнее время выхожу всё время на аграрные проблемы Советского Союза. Я ведущий исследователь института мировой экономики, международных отношений. А до ареста я работал руководителем большого отдела в информационном институте ВАСХНИИ, информировал систему ВАСХНИИ об экономике, организации, управлении сельским хозяйством западных систем, фермерских систем. Я сам сторонник фермерской системы производства, кооперативной системы производства, то есть, я противник колхозно-совхозной системы. Я писал об этом, несколько лет писал. Но это уже моя профессиональная деятельность, по научной части. Пытаюсь печататься по этому поводу, выступал, /выводов ?/ не скрывал настолько-насколько это позволяла цензура. Моя профессиональная задача оказалась очень удобной в восьмидесятых годах - опыт организации управления на Западе. То есть, это была моя профессиональная задача. Мне повезло. Так что в целом активистом я остался. И лагерь укрепил, может быть, эти чувства. И стойкость, такую, знаете, спокойную, некрикливую, не типа Новодворской и других, которые кричали. Если мне дадут слово, я кричать не буду, я просто внесу предложение о том, как лучше организовать издательскую деятельность. Вместо того, чтобы об этом говорить. И я пытаюсь организовать её сейчас. Для себя лично, и в том числе и в японской периодике на англий-

ском языке.

- Скажите пожалуйста, Н.Г., как Вы думаете, Краснопевцев в лагере более терпимым стал или нет?

Обушенков - Я не знаю, я не могу сказать. Я говорил уже Вам, что примерно с голодовки, то есть, года с шестьдесят первого я не подерживал никаких отношений с ним. А последние встречи - это главным образом деловые встречи. Но он стал более терпимым во-первых, во-вторых, это были деловые встречи, которые так сказать проходили под лозунгом "Наше прошлое - это наше общее достояние". Монополии на наше общее достояние ни у кого нет.

- Кто был инициатором этого лозунга?

Обушенков - Я, наверное, был. Просто потому, что так получилось, что я первым пришёл к возможности публикации о нашем деле. Наверное, поэтому так и получилось, ~~иначе~~ с другой стороны ~~он~~ я ему предоставляю полную возможность оправдаться, высказать свою точку зрения. Кроме этого сразу же после освобождения я говорил своим друзьям, говорил, что я не отказываюсь от сотрудничества и диалога с ним, только просто личных отношений не будет. Я ему в личном плане доверять больше не буду. И Меньшикову. К Ренделю это не относилось никогда. В личном плане я всегда доверял ему. Но просто горькое прошлое из лагерного периода помешало мне восстановить отношения с ним. Хотя предложения с его стороны были и были содействия со стороны физиков. Но я всё-таки не нашёл в себе сил, чтобы пойти на это. /Что говорить сейчас об этом, когда он умер? / А в целом я считаю, что должны быть деловые отношения, но личных - нет.

- Как Вы относились к религиозникам в лагере и сейчас?

Обушенков - Как я относился к ним? Терпимо. Но я совершенно чётко говорил, может быть так насмешливо, иронически. Дело в том, что я долгое время жил в лагере с религиозниками, я не соглашался ни-

когда вести пропаганду среди них, это ошибка у Иофе, она не относится ко всей группе, относится только к той части, которая осталась за Краснопевцевым. Это не распространяется на меня, на Чешкова, на Козового. Но с другой стороны я никогда не скрывал, что я атеист, я и сейчас атеист, я им говорил, может быть, по молодости, по глупости, немножко утрируя позиции: "Вот я понимаю религию древних греков. Они брали прекрасную женщину, обнажали её, ставили на пьедестал в мраморе. Это моя богиня. И более того, у меня над этажеркой, - а я всегда носил этажерку в чемодане, - было изображение из польского журнала обнажённой прекрасной женщины". Терпела лагерная охрана эту эротику, как она её называла, потому что это как бы эпатировало верующих. Но они не знали одного, что во время шмонов, лагерных обысков, вся секция верующих свои маленькие религиозные брошюры прятало за этажерку под эту голую женщину. То есть, это с точки зрения свидетелей Иеговы было терпимо. В организованной антирелигиозной деятельности в лагере не принимал никакого участия. После лагеря был период, года два, я принимал участие во Владимирской области, где я проживал, какось, принимал. В лагере не принимал, но с другой стороны не скрывал своих атеистических позиций. Я просто говорил, что меня уже не переделаешь, что я к сожалению не могу больше уверовать, у меня нет никакого желания. Никакого желания, я по-прежнему /атеист/. - Как Вы объясняете поворот в душах некоторых атеистов, достаточно многих к вере?

Обушенков - Я в своё время, с возрастом это естественно, это к смерти приближение, а в лагере я в своё время это поправление значительной части публики, в особенности заметное в 1959-60 году, я в лагере называл это реакцией на колючую проволоку. Это в значительной степени было эмоциональное. То есть, эмоциональные корни гносеологических процессов. И усиливающаяся конфронтация с системой.

Логика конфронтации с системой имеет свои законы и вот по этим законам люди отходили всё дальше и дальше - к монархизму, к вере. Это человеческая потребность, это очень сильная потребность. Поэтому я и говорил верующим, что извините меня, мне бы такую подпорку в жизни, как у вас, но, к сожалению, уже не могу.

- А Ваши дети?

Обушеников - С детьми немножко сложнее. Дети у меня некрещённые, дочка у меня много болела, операции неудачные с 16 лет, по-моему склоняется, есть у неё сейчас какая-то ориентация на религиозность, она экономист-математик. Сын у меня умер. Года три, четыре уже года назад. Внуки католики. Один католик и одна православная крещёная. Дело в том, что моя невестка литовка. Вероятно, это моё уважение к литовцам, они бывали у меня дома всё время, это передалось и сыну и он не нашёл себе лучшего, как жениться на литовке в Магадане. Мы были на командировке, нас отправили на свободный режим, Сасовская командировка это называлось при восемнадцатом лаготделении, в рязанской области был каменный карьер для добычи бутового камня для строительства лагерной системы. Вот, мы добывали камушек, грузили его. Было нас зимой человек сорок, летом человек восемьдесят. Подобрались хорошие, крепкие ребята, мои друзья, с десятка из них здесь сейчас. Мои друзья. И был слабенький очень лейтенант Багров. Вот, его подпись тут есть. И мы решили взять лагерь в свои руки. Условие было очень простое. Первое: надзирателям нечего делать в зоне в течение всего дня. Утром на подъём - пожалуйста, вечером на счёт поголовья - пожалуйста. Днём надзирателям в зоне делать нечего. И надзиратели не приходили к нам днём в зону. Это великое достижение. И второе условие: ворота в зону должны быть всё время открыты. То есть, в любой момент человек из зоны может уйти куда ему угодно. Разумеется, не куда угодно. Но многие уходили к местным дамам, было и такое. Многие выходили выпить. Мы, интелли-

генты, мы не считали возможным. Ну, выпивка бывала, ходили в магазин. Третье - питание было очень уже неважное, раз в неделю нам привозили спецзаказ из лётного училища /неразб./ Мы помогали ребятам немножко на железнодорожной платформе, а они нам буфет свой предоставили в наше распоряжение. То есть, мы там питались нормально. Эти условия такие... Да, кино давали хорошие. Вместо молдавских антирелигиозных фильмов нам давали и "Ночи Кабирии", и "Синее небо", тогда гремевшие картины, всё это мы получали таким вот образом. Наши обещания - мы гарантировали выполнение плана по добыче и отгрузке камня. И в случае, если нарушения происходили, всю нормальную жизнь в лагере - жалобы на зажим, на начальство, наверх, что нас зажимают. Чтобы создать видимость. И в обмен гарантировали план. В случае, если администрация старалась нарушить это соглашение, мы показывали неразгруженные вагоны, невыполненный план по добыче камня и прочее. То есть, мы принимали методы финляндской забастовки. Попросту говоря. И так продолжалось около года. Я взял на себя функции председателя совета коллектива, Лёня Гаранин из группы Миши Молодцова был моим непосредственным заместителем, *неразб.*, писатель одесский тоже участвовал в этом деле, Жилинскас тоже, если не участвовал, то примыкал, из литовцев. И каждое мероприятие, которое мы проводили в лагере, мы согласовывали с так называемыми **национальными землячествами**. То есть, это была попытка установить самоуправление это очень хорошая вещь. На какой-то период. Но как только сменилась ситуация в лагере, к нам прислали **тяжеловесов**, людей другой психики, другой морали, пришлось сразу же самораспуститься.

- Простите, тяжеловесы, это кто?

Обушенков - Это люди, которым было от пятнадцати и выше за участие... полицаи... Нам пришлось уйти, потому что сразу стали появляться элементы доносительства и возможность работать на доверии исчезла. В таких условиях сотрудничество такого рода бессмысленно. Я считаю,

что мы установили своего рода модель таких вот отношений терпимости, взаимодействия, взаимосогласованности, кооперации. В большом лагере на это идти уже невозможно было. Там была слишком сильна вся система карательная. В том маленьком лагере, в котором мы по существу имели дело один на один с этим младшим лейтенантом и с пятью командированными надзирателями, там можно было, всё держать в своих руках. Это ^{даб}постановление, в какой-то мере это и форма. Кто-то это осуждает, кто-то считает, что напрасно мы сделали шаг в сторону администрации, кто-то с /позиции непринадлежности ?/ смотрит. Я считаю, что это очень удачный путь вот такого использования слабости администрации, слабости системы. Проникновения в систему с целью захвата её. То есть, это маленький, крошечный опыт, касающийся хозяйственных дел. Вы представляете, после сидения в течение четырёх лет в сплошной зоне с овчарками, под автоматами, получили такую возможность - открытые ворота, ходить купаться, ловить рыбу, пойти погулять в лес, пойти на вечеринку к девушкам в соседнюю деревню. Это что-то. А даже и переплыть речку и купить бутылку хорошего вина. И в субботу распить её вместе со всеми. Так это приятно в лагере, почувствовать себя... Люба, моя жена до сих пор **вспоминает**: когда я провожал её со свидания, то я проводил её и мы посидели в /неразб./ ресторане. Я в арестантской форме, тем не менее... Ещё такая вещь - там была маленькая конюшня, сарайчик. Мы как следует перекопали, почистили, помыли, посыпали всё хлоркой, побелили и устроили там свидания вне зоны. То есть, наши женщины, наши жёны, которые приезжали к нам получили возможность пожить неделю вне надзирательского ока, вместе с нами. Вот такие вещи мы делали. Я не стыжусь этого. Я брал на себя и моральную ответственность. Я понимал, что придётся когда-то со временем вспоминать об этом, объясняться перед экстремистами, но с **другой** стороны, это нужное было дело. Хорошее было дело. В целом после этого учитель-

ствовал после освобождения. Пять лет во Владимирской области, поскольку устроиться по специальности никак не удалось, историком. Несмотря на то, что у меня была защита кандидатской. Несмотря на то, что я имел опыт преподавательской работы, чтения лекций, в Университете. Я не смог получить работу; по истории, даже преподавателем школы. Мне пришлось преподавать немецкий, английский, пришлось закончить вечерний второй институт. И, когда закончились пять лет, добрые люди, мои знакомые, а у меня полно было друзей, фамилии которых я забыл во время следствия. Поэтому мне помогали всегда устроиться. И с переводами помогали. Поэтому я работал сначала переводчиком, потом старшим научным сотрудником в Институте Информации по сельскому хозяйству. До восьмидесятых годов на скромных ролях, а после восьмидесят второго, я точно не помню, когда я получил сначала сектор, а потом отдел. Большой отдел, хороший отдел. А вот три года назад я получил приглашение от Примакова в его институт перейти. Туда я и последовал, появились свежие идеи. Вот и всё, что я могу наверное сказать. А более подробная информация, мы её дадим для публикации, а до публикации можем один из экземпляров Вам передать.

- Спасибо большое.

Интервью взяла Татьяна КОСИНОВА /12.08.1990, встреча политзаключённых, Дом Дружбы, Ленинград/